

В. 3
337

2007041541

Свѣдѣнія о Руси, встрѣчающіяся въ хроникѣ польскаго лѣтописца Мартина Галла.

Лѣтопись, приписываемая Мартину Галлу, есть одинъ изъ самыхъ древнихъ историческихъ памятниковъ; самъ авторъ ея Мартинъ, называемый обыкновенно Галломъ, былъ во многихъ случаяхъ современникомъ рассказываемыхъ имъ событій; это обстоятельство повидимому должно бы придавать особую цѣну показаніямъ этого лѣтописца и трудъ его долженъ былъ бы стоять на ряду самыхъ фундаментальныхъ источниковъ для историка. Но на самомъ дѣлѣ эти надежды не осуществляются: если критически отнестись къ этому труду, если вникнуть и разобрать тѣ приемы, которые употребляетъ авторъ при сообщеній свѣдѣній, то придется во многихъ случаяхъ отказаться отъ достовѣрности послѣднихъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ болѣе подробному изложенію приемовъ лѣтописца, а также къ взглядамъ его на событія, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о личности Мартина Галла и его національности; долго рѣшали вопросъ относительно происхожденія Мартина Галла; одни утверждали, что онъ германецъ, другіе были того мнѣнія, что родина его—Франція, третьи называли его парижаниномъ, наконецъ еще говорили, что онъ полякъ. На сторонѣ послѣднихъ былъ между прочимъ и Янъ-Викентій Бандтке; въ предисловіи къ хроникѣ Бандтке старается доказать вѣрность этого положенія и для большей убѣдительности приводитъ четыре мѣста изъ хроники, гдѣ будто авторъ самъ высказывается въ пользу этого мнѣнія, но надобно замѣтить, что цитаты эти шатки, неясны и во всякомъ случаѣ не могутъ служить достаточнымъ пособіемъ при опре-

дѣленіи того или другого положительнаго мнѣнія относительно личности Мартина Галла. Мнѣ кажется, что изъ приведенныхъ мнѣній ни одно абсолютно не вѣрно, но въ частности каждое имѣетъ нѣкоторую долю достовѣрности; правдоподобнымъ будетъ заключить, что, хотя Мартинъ Галль и не былъ природнымъ полякомъ, тѣмъ не менѣе продолжительное пребываніе его въ этой странѣ не могло не повліять на выработку тѣхъ или другихъ основныхъ сужденій и взглядовъ, которые присущи Мартину. Проведши въ Польшѣ большую часть своей жизни и занимая довольно видное положеніе при дворѣ одного изъ польскихъ королей, Мартинъ Галль очевидно не могъ равнодушно относиться къ судьбамъ Польскаго королевства; отсюда понятны односторонность и пристрастіе—огличительныя черты хроники. Особенно эта слабая сторона его хроники бросается въ глаза вездѣ тамъ, гдѣ Мартинъ говоритъ о Руси и ея князьяхъ, стараясь, какъ можно болѣе унизить и оскорбить значеніе послѣднихъ и превознести и восхвалять королей польскихъ, которые являются у него всегда героями—побѣдителями и всегда, не смотря на численное превосходство Русскихъ, одерживаютъ надъ ними блистательныя побѣды нѣсколько разъ овладѣваютъ Кіевомъ—тогдашнюю столицю Руси, налагають огромныя подати и наконецъ съ большою добычею торжественно возвращаются домой.

Въ хроникѣ М. Г. мы собственно находимъ не особенно много свѣдѣній о Руси; только въ первой книгѣ слѣдующія три главы посвящены этому предмету: (7) VII—*Quomodo terram potenter Boleslaus Russiae intravit*, X—*De proelio Boleslaurum cum Ruthenis* и XXIII—*De conventionem Boleslaurum cum duce Ruthenorum*; вотъ, этими-то тремя главами и исчерпываются наши свѣдѣнія о Руси, которыя мы можемъ заимствовать у этого лѣтописца. Не смотря на такую скудость матеріала, является другое весьма значительное препятствіе, которое почти совсѣмъ умаляетъ въ глазахъ историка значеніе этой хроники, по крайней мѣрѣ въ означенномъ отношеніи (подразумѣваемъ заимствованіе свѣдѣній о Руси); другое обстоятельство заключается преимущественно въ характерѣ изложенія, которое, повторяю, носитъ на себѣ въ значительной степени печать крайней односторонности съ одной стороны и пристрастія съ другой. Авторъ иногда до того увлекается въ своей преданности королямъ польскимъ и желаніи воспѣть какъ можно лучше и блистательнѣе ихъ часто невѣроятныя побѣды надъ врагами, что одно и то же,

совершенно аналогическое событіе онъ повторяетъ нѣсколько разъ, приписывая его двумъ королямъ, царствовавшимъ въ совершенно различное время; это, какъ мы дальше увидимъ, случилось со взятіемъ и разграбленіемъ Кіева Болеславомъ Храбрымъ. Лѣтописцу повидимому понравился этотъ фактъ, такъ какъ дѣло оканчивается совершеннымъ погромомъ Русскихъ и полнымъ торжествомъ Поляковъ; и вотъ, нѣсколько страницъ ниже мы снова читаемъ о разрушеніи Кіева, о разсѣченіи мечемъ золотыхъ воротъ и т. п. торжествахъ польскаго оружія; но дѣйствующимъ лицомъ является уже не Болеславъ I Храбрый, а Болеславъ II; при этомъ авторъ никогда не упускаетъ случая, чтобы не сообщить объ огромной численности русскихъ полчищъ въ сравненіи съ незначительнымъ числомъ Поляковъ—побѣдителей съ своимъ королемъ—героемъ во главѣ. Ясно, что подобное несправедливое отношеніе къ фактамъ въ высшей степени уменьшаетъ значеніе хроники Мартина Галла, какъ историческаго источника. Такъ что, при разборѣ упомянутыхъ выше трехъ главъ, мы ограничимся главнымъ образомъ указаніемъ на несоотвѣстія и даже противорѣчія автора самому себѣ, что очевидно происходитъ вслѣдствіе крайне-узкаго и односторонняго взгляда на описываемыя событія.

Если гдѣ у Галла и проявляется эта узкость взгляда и односторонность сужденія, то во всякомъ случаѣ апогей ихъ развитія безспорно можно отнести къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ автору приходится говорить о столкновеніяхъ Польши съ своею близкою сосѣдкою Русью; здѣсь Галлъ ничего больше не видитъ и, можно сказать, не хочетъ видѣть, какъ только блистательные походы королей польскихъ на малодушныхъ и трусливыхъ князей русскихъ, не менѣе блистательныя побѣды первыхъ надъ вторыми и наконецъ торжественное возвращеніе домой изъ совершенно униженной и поработченной ими Руси. Это самые любимые мотивы, которыми переполнены отзывы Галла о Руси и ея князьяхъ. Авторъ часто не стѣсняется и самымъ искаженіемъ факта, лишь бы только достигнуть своей завѣтной цѣли—выставить прекрасныя качества польскаго войска, отвагу и храбрость его предводителей—героевъ параллельно съ трусостью Русскихъ и малодушіемъ ихъ вождей. Вотъ, основныя положенія и въ краткихъ чертахъ характеръ тѣхъ свѣдѣній о Руси, которыми вдобавокъ такъ скудна хроника Мартина Галла. Но, чтобы, хотя нѣсколько выяснитъ себѣ такіе взгляды автора, нужно обратить вниманіе на его личность и общественное поло-

женіе. Бѣлевскій въ своихъ „Monumenta Poloniae historica“ даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о личности этого лѣтописца, почерпнутыя имъ впрочемъ изъ самой хроники, такъ какъ другихъ постороннихъ источниковъ о Мартинѣ Галлѣ пока не открыто и, если бы не тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя даетъ авторъ самъ о себѣ, то врядъ ли бы мы узнали что нибудь болѣе или менѣе основательнаго о личности писателя. Пользуясь этими-то свѣдѣніями, мы узнаемъ, что авторъ хроники жилъ во времена Болеслава III и, пользуясь особымъ расположеніемъ этого короля, игралъ при немъ довольно видную роль; король не пренебрегалъ даже совѣтами Галла и въ важныхъ обстоятельствахъ обращался къ нему за наставленіемъ. Событіямъ, случившимся въ царствованіи Болеслава III и посвящена собственно хроника Галла. Имѣя въ виду тѣже данныя т. е. самую хронику мы узнаемъ, что М. Г. былъ монахъ; это обстоятельство имѣло также громадное вліяніе на характеръ хроники; автору ея все языческое, идолопоклонническое буквально ненавистно и на этой эпохѣ исторіи Польши онъ мало останавливается; давши бѣглый очеркъ событіямъ до Болеслава III, М. Г. съ особеннымъ вниманіемъ описываетъ этого короля и его время. Въ этомъ краткомъ очеркѣ событій, предшествовавшихъ Болеславу III, вниманіе автора обращаетъ преимущественно на себя Болеславъ Храбрый, какъ учредитель полной независимости и самостоятельности Польскаго княжества; кромѣ того не мало мѣста въ хроникѣ посвящено описанію удачныхъ походовъ этого воинственнаго князя, кончавшихся въ большинствѣ случаевъ торжествомъ польскаго оружія.

И такъ, если принять во вниманіе всѣ тѣ обстоятельства, въ которыя былъ поставленъ М. Г., то намъ сдѣлаются яснѣе и тѣ приемы, которые онъ употребляетъ при изложеніи и самый характеръ этого послѣдняго. Къ этому нужно прибавить, что не малое вліяніе на искаженіе фактовъ имѣли въ послѣдствіи и самые переписчики хроники, которые были не меньшими если не большими антагонистами противъ всего чужеземнаго вообще и русскаго въ особенности, чему, конечно, много способствовали тѣ враждебныя отношенія, въ которыя становились весьма часто по отношенію другъ къ другу оба сосѣднія государства. Указавъ на всѣ эти обстоятельства, которыя по моему мнѣнію необходимо имѣть въ виду при выдѣленіи историческаго матеріала изъ хроники М. Г. о занимающемъ насъ предметѣ, я присту-

паю къ разбору вышеупомянутыхъ трехъ главъ, которыми исчерпываются свѣдѣнія о Руси, сообщаемыя этою хроникою. Первая на очереди по хронологическому порядку есть VII глава первой книги (при раздѣленіи на главы и книги мною имѣется въ виду хроника М. Г., изданная Яномъ—Викентіемъ Бандтке); она посвящена славному походу Болеслава I на Русь, который приблизительно относятся къ 1018 г. Дѣйствительно, походъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ; Болеславъ достигъ своей цѣли, т. е. на голову разбилъ дружину Ярослава на Бугѣ, обратилъ послѣдняго въ бѣгство и, мало того, подступилъ къ Кіеву—тогдашней столицѣ Руси, занявъ его своими войсками, наложивъ дань на Кіевлянъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Болеславъ не поладилъ съ Святополкомъ и вышелъ съ войсками изъ Кіева. Святополку, какъ своему зятю, польскій король помогъ опять сѣсть на велико-княж. столъ, такъ какъ этотъ князь былъ разбитъ у Любеча братомъ своимъ Ярославомъ, бѣжалъ въ Польшу и тамъ просилъ помощи у своего тестя. Вотъ вкратцѣ содержаніе несчастной для Ярослава битвы на Бугѣ и изложеніе причинъ ее вызвавшихъ; эту-то битву и описываетъ М. Г. въ упомянутомъ мѣстѣ своей хроники (Lib. I. Cap. VII). Но вовсе не въ такихъ краскахъ изображаетъ ее намъ авторъ хроники, хотя и въ основѣ самаго разсказа лежитъ главнымъ образомъ этотъ фактъ, но самое событіе является слишкомъ разукрашеннымъ, при чемъ, какъ кажется, нѣкоторые побочные факты можно приписать собственной фантазіи почтеннаго автора, который постоянно не упускалъ изъ виду прославить какъ можно болѣе побѣдителя и по возможности унижить побѣжденнаго. Но, чтобы наглядно видѣть это, такъ сказать, намѣреніе автора, перескажемъ содержаніе этой главы (VII), при чемъ замѣтимъ, что на первыхъ порахъ лѣтопись русская и хроника Г. расходятся во взглядахъ на причину, вызвавшую этотъ походъ. Содержаніе этого разсказа у М. Г. слѣдующее. Выступление Болеслава въ походъ Г. приписываетъ той обидѣ, которая нанесена была польскому королю со стороны Ярослава отказомъ выдать за него свою сестру Предславу; разсерженный этимъ поступкомъ русскаго князя и считая задѣтымъ свое самолюбіе, Болеславъ рѣшается отомстить; онъ немедленно собираетъ войско и отправляется воевать Русь. Русскіе дѣлаютъ слабую попытку сопротивленія, но, конечно, неудачно и польскій король ихъ „sicut ventus pulverem ante suam faciem profuqavit“. Послѣ этого лѣтописецъ рас-

пространяется о дальновидности Болеслава и его замѣчательномъ политическомъ геніѣ, выразившемся между прочимъ въ томъ, что онъ послѣ этой побѣды намѣревается итти прямо на Кіевъ—столицу Руси, чтобы достигнуть болѣе блестящихъ результатовъ и тамъ уже въ столицѣ предписать условія мира, взявши при этомъ и приличную военную контрибуцію. Дѣйствительно, какъ и слѣдовало бы напередъ ожидать, его намѣреніе приходитъ въ исполненіе и Кіевъ дѣлается добычею Поляковъ. Замѣчательно, какую наивную роль при этомъ по сообщенію М. Г. играетъ русскій князь Ярославъ; выходитъ, что онъ, какъ будто, и ничего не знаетъ о происходящемъ; М. Г., какъ видно, хотѣлъ выставить этого князя, какъ типъ человѣка совершенно беззаботнаго и непредусмотрительнаго; повидимому его вовсе не интересуется опасное положеніе отечества, ему чужды порывы патріотическихъ чувствъ, которые въ свою очередь такъ сильно развиты въ славномъ польскомъ королѣ; хроника сообщаетъ, что въ то время какъ Болеславъ былъ уже недалекъ отъ Кіева, русскій князь „*simplicitate gentis illius in navicula tunc forte cum hamo piscabatur*“—занятіе, какъ видимъ, самое наивное, свидѣтельствующее вмѣстѣ съ тѣмъ о беззаботности князя и его недалковидности. Ярославу доносятъ что непріятель уже близко отъ Кіева и, что, слѣдовательно, и ему лично грозитъ опасность; князь сначала не вѣритъ и долго сомнѣвается въ правдоподобности этого извѣстія; но, получая ежеминутно подобныя печальныя вѣсти, онъ нашелся только сказать, по сообщенію М. Г., нѣсколько словъ, показывающихъ, что онъ самъ признаетъ надъ собою нравственное первенство Болеслава; смыслъ этихъ словъ русскаго князя приблизительно такой: „онъ-де (т. е. Болеславъ) лучше понимаетъ великую обязанность князя-предводителя и не занимается подобными пустяками (подразум. уженьемъ рыбы въ рѣкѣ); онъ напротивъ занятъ дѣлами военными, болѣе всего приличными князю и изъ этого выходитъ, что и боги на сторонѣ польскаго короля; этимъ обстоятельствомъ (взятіе Кіева) они явно показываютъ свое благоволеніе къ нему, отдавая въ его руки все царство русское со всѣми его богатствами“. Послѣ этой рѣчи Ярославъ немедленно спасается бѣгствомъ, а гордый побѣдитель безъ всякаго сопротивленія занимаетъ Кіевъ и такимъ образомъ достигаетъ своей завѣтной цѣли—мести русскому князю. Ужъ изъ этого одного эпизода, изъ этой одной рѣчи можно заключить, сколько здѣсь вымышленнаго, сколько фактически невѣрнаго. Яро-

славъ предъ своими же подчиненными ставить себя такъ низко въ нравственномъ отношеніи; не думаю, чтобы этотъ князь былъ на столько недалковиденъ и, будучи уже и безъ того въ критическомъ положеніи, въ какое его ставить М. Г., рѣшился бы ухудшать его еще болѣе своими собственными словами, вздумавъ въ столь трудное для него время распространяться о доблести и военныхъ дарованіяхъ своего противника; но лѣтописцу и въ голову не приходитъ это обстоятельство; онъ вовсе не предугадываетъ, что всякій безпристрастный читатель можетъ найти здѣсь довольно ярко бросающіяся въ глаза несообразности; человѣкъ и безъ того въ скверныхъ обстоятельствахъ и большой опасности, которой подвергается не только онъ, но и всѣ его приближенные, вдругъ, этотъ самый человѣкъ предъ тѣми же подчиненными, виною несчастія которыхъ онъ же самъ, этотъ, повторяю, человѣкъ идетъ еще дальше и дѣлаетъ свое положеніе еще худшимъ, распространяясь ни съ того, ни съ другого о своихъ собственныхъ недостаткахъ и, сравнивая умъ и блестящія дарованія своего противника съ своимъ собственнымъ безсиліемъ и слабостями. Да тутъ ужъ явная несообразность; Ярославъ, какъ и всякій человѣкъ, обладалъ чувствомъ самосохраненія, а это чувство не позволило бы ему произносить подобныя скромныя рѣчи; да притомъ еще и въ такомъ печальномъ происшествіи, какое, по словамъ М. Г. случилось съ беззаботнымъ русскимъ княземъ; напротивъ, человѣкъ старается какъ нибудь выпутаться изъ подобнаго положенія и, хотя въ душѣ сознаетъ, что виною всему онъ, тѣмъ не менѣе не рѣшается высказаться предъ тѣми, отъ которыхъ зависитъ еще его собственное спасеніе. Мнѣ кажется, что подобный наивный рассказъ слѣдуетъ приписать не беззаботности и непредусмотрительности Ярослава, но, напротивъ, недалковидности самого автора, который подобнымъ, ужъ слишкомъ явнымъ вымысломъ, даетъ самъ поводъ не вѣрить его собственнымъ сообщеніямъ и относиться къ нимъ крайне осторожно; почтенный авторъ, какъ видно, не расчелъ, что, можетъ быть, найдутся такіе читатели его произведенія, которымъ странными покажутся подобныя приемы автора, несостоятельность которыхъ уже сама по себѣ бросается въ глаза, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и о самомъ авторѣ, какъ о человѣкѣ слишкомъ склонномъ къ идеализаціи и вымыслу для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Но подобныя несообразности—нерѣдкое явленіе въ хроникѣ М. Г.; дальше мы будемъ имѣть случай указать

на такого рода противорѣчія и невѣроятности, которыя дѣлаеть авторъ, благодаря своей односторонности и пристрастному взгляду на вещи. Но здѣсь кстати, каснувшись характера изложенія хроники М. Г., не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о мнѣніяхъ нашихъ историковъ объ этомъ и подобныхъ ему польскихъ лѣтописцахъ, какъ Богуфаль, Длугошъ, Кадлубекъ. Уже Карамзинъ въ примѣч. къ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ высказался не въ пользу этихъ лѣтописцевъ. Нужныя свѣдѣнія о столкновеніяхъ Ярославъ съ Святополкомъ и Болеславомъ онъ беретъ преимущественно у Дитмара, такъ какъ сообщенія послѣдняго отличаются большею долею вѣроятности. Преувеличенные рассказы Длугоша Кадлубка и М. Г. о взятіи Кіева, о чудесномъ мечѣ, данномъ будто бы Болеславу ангеломъ, о золотыхъ воротахъ и ихъ разсѣченіи, рассказы эти, говорю я, не могли не обратить на себя вниманіе историка своею несообразностью. Всѣ эти сообщенія Карамзинъ весьма низко цѣнитъ и наз. ихъ просто „изрядными баснями“. Другой историкъ Иловайскій тоже раздѣляетъ вполнѣ мнѣніе объ этомъ Карамзина отдавая предпочтеніе Дитмару; въ особенности его вниманіе обращаетъ на себя Длугошъ, такъ какъ его сообщенія отличаются слишкомъ большими вымыслами и отсутствіемъ какой бы то ни было состоятельности. Вотъ что о немъ говоритъ Иловайскій: „Особеннымъ многословіемъ и баснословіемъ отличается въ этомъ случаѣ Длугошъ, хотя онъ и много пользовался русскими лѣтописями“. Такъ, рассказы Длугоша о какихъ-то пограничныхъ желѣзныхъ столбахъ, которые будто бы были поставлены Болеславомъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ, о мѣдныхъ трубахъ и т. п., дѣйстви-тельно слишкомъ сомнительны. Сомнѣваться въ этомъ можно еще болѣе, чѣмъ въ сообщеніи М. Г. о разсѣченіи Болеславомъ кіевскихъ воротъ чудеснымъ мечемъ потому, что послѣднее, кажется, ужъ болѣе вѣроятнымъ, разумѣется при этомъ нужно игнорировать легенду о сверхъестественномъ происхожденіи меча. Да и въ самомъ дѣлѣ, наши историки стараются доказать, что этого событія вовсе не было и, что оно вымышлено потому, что, какъ говоритъ наша лѣтопись, золотыя ворота были поставлены гораздо позже. Совершенно соглашаясь съ послѣднимъ все таки можно и не отрицать перваго; тѣмъ болѣе, что уже по самымъ многообразнымъ варіантамъ можно предположить, что нѣчто подобное было, хотя и не при той блистательной обстановкѣ и, можетъ быть, не съ золотыми воротами. Такъ какъ Кіевъ находился недалеко отъ границы со степными кочевниками, то слѣдовательно, ужъ вслѣд-

ствіе этого близкаго сосѣдства не могъ оставаться безъ всякихъ укрѣпленій, и хотя пожаръ 1017 года могъ значительно его опустошить, тѣмъ не менѣе Ярославъ, какъ предприимчивый устроитель своей земли, могъ же тотчасъ позаботиться объ улучшеніи печальнаго положенія своей столицы; разумѣется естественнѣе всего нужно предположить, что главное вниманіе его было обращено на защиту еще уцѣлѣвшихъ отъ пожара частей города, а для этого нужно было прежде всего позаботиться о городскихъ стѣнахъ, что, можетъ быть, Ярославъ уже отчасти и исполнилъ и только вторженіе Болеслава помѣшало ему продолжать начатое дѣло строенія города. То обстоятельство, что М. Галль называетъ эти ворота золотыми, мнѣ кажется, можно объяснить тѣмъ, что онъ приписываетъ здѣсь позднѣйшее событіе болѣе раннему. Ярославъ могъ дѣйствительно построить стѣну, какъ сообщаетъ наша лѣтопись, въ 1037 г., а М. Галль, жившій гораздо позже, т. е. въ XII в., смѣшавъ эти событія, и построеніе воротъ отнести ко времени вторженія Болеслава въ Россію, т. е. къ 1018 г. Легкость, съ которою Болеславъ занялъ Кіевъ, можно объяснить отчасти неприготовленностью къ этому Ярослава, такъ какъ послѣдній въ это время дѣятельно старался объ обновленіи пострадавшей отъ пожара столицы и, дѣйствительно, могъ на нѣкоторое время отрѣшиться отъ военныхъ занятій и не держать своей дружины въ постоянной готовности къ отраженію непріятеля. Да если вѣрить сообщенію Дитмара, то честь взятія Кіева принадлежитъ не Полякамъ, а Печенѣгамъ, которымъ Болеславъ поручилъ это дѣло, можетъ быть въ той надеждѣ, что они, будучи болѣе знакомы съ мѣстностью, удачнѣе выполнять это предпріятіе.

Но возвратимся къ начатому, т. е. къ послѣдовательному изложенію содержанія разбираемой нами VII главы. Мы остановились на томъ моментѣ, когда Болеславъ вступаетъ въ Кіевъ; первымъ дѣломъ польскаго короля при вступленіи было, какъ повѣствуетъ хроника, пресловутое разсѣченіе золотыхъ воротъ, приведшее всѣхъ приближенныхъ короля въ немалое удивленіе; но Болеславъ объяснилъ имъ, что онъ это дѣлаетъ, какъ знакъ мести къ сестрѣ Ярослава, отклонившей его предложеніе и тѣмъ самымъ задѣвшей честь не только князя но цѣлаго Польскаго народа, и что поэтому онъ мститъ не только князю и его семейству, но цѣлой Руси. Поэтому-то Болеславъ и оканчиваетъ свою блестящую рѣчь желаніемъ, чтобы эта славная побѣда послужила и „*Ruthenis ad dedecus et ad ignominiam*“. Замѣ-

тимъ также при этомъ одну довольно выдающуюся сторону въ хроникѣ М. Галла это желаніе дѣлать краснорѣчивыми своихъ королей-героевъ, если такъ можно выразиться, придавая слову „герой“ такое же значеніе, въ какомъ оно обыкновенно употребляется въ литературѣ. Такъ, Болеславъ у него является военнымъ ораторомъ; онъ произноситъ къ своему доблестному войску длинныя рѣчи въ родѣ тѣхъ, какія мы встрѣчаемъ у классическихъ писателей-ораторовъ. На этотъ разъ, самъ авторъ, знакомый съ классическою литературою, должно быть, предполагалъ, что и его любимецъ Болеславъ постигъ въ такомъ совершенствѣ классическія произведенія, что черпалъ изъ нихъ матеріалъ для своихъ обращеній къ войску. Но мнѣ кажется, что желаніе со стороны автора облечь подобные факты въ оболочку дѣйствительности такъ и осталось искреннимъ его желаніемъ и никогда не могло перейти въ дѣйствительность; жаркія рѣчи Болеслава, проникнутыя замѣчательною убѣдительною и самымъ удачнымъ подборомъ „казистыхъ“ выраженій, должно признать ничѣмъ инымъ, какъ только риторическими упражненіями самого автора хроники. И такъ, мы видимъ Болеслава въ Кіевѣ; сдѣлавши щербину въ воротахъ крѣпости, польскій король съ триумфомъ вступаетъ въ русскую столицу и располагается здѣсь съ своимъ войскомъ, при чемъ часть послѣдняго была размѣщена по городамъ Кіевской области. Десять мѣсяцевъ, по сообщенію М. Галла, торжествовали Поляки свою побѣду надъ Русскими; торжество это выражалось въ безпощадномъ собираніи дани съ покоренныхъ и пересылкѣ всѣхъ награбленныхъ сокровищъ въ Польшу, при чемъ замѣчаетъ М. Галлъ, Болеславъ „nunquam extitit otiosus“; этимъ лѣтописецъ хочетъ показать, что польскій король особенно ревностно занимался грабежемъ и разореніемъ Кіевской области; эти качества, какъ видимъ, авторъ хроники ставитъ въ заслугу Болеславу. И такъ, какъ мы выше замѣтили, эта постройка Поляковъ по Галлу продолжалась десять мѣсяцевъ; на одиннадцатый мѣсяцъ Болеславъ вдругъ собираетъ свое войско и выходитъ изъ Кіевской области, посадивши на великокняжеск. столѣ своего зятя Святополка: хроника утверждаетъ, что причиною этому было слѣдующее обстоятельство польскій король „regna quam plurima tenebat“, т. е. что могущество его достигло высшихъ предѣловъ и обода была вполне оплачена. Но здѣсь была, какъ кажется, другая болѣе основательная, причина, которая заставила Болеслава удалиться изъ Кіева; о ней я скажу при изложеніи свѣдѣній объ

этомъ же самомъ событіи, почерпнутыхъ изъ русскихъ лѣтописей. А теперь обратимся опять къ дальнѣйшему изложенію разсказа, какимъ онъ намъ представляется по хроникѣ. Замѣстивши своимъ зятемъ кіевскій столъ, Болеславъ съ торжествомъ возвращается на родину; но возвращеніе польскаго короля не прошло безъ особенныхъ происшествій, которыя впрочемъ послужили къ большей славѣ и доблести послѣдняго. По сообщенію Галла происходитъ слѣдующее: бѣглый князь Ярославъ, узнавши, что Поляки удаляются изъ Кіева, рѣшается напасть на войско Болеслава; при этомъ, какъ говоритъ Галлъ, русскій князь принимаетъ въ соображеніе, что многіе воины Болеслава, отпраздновавши съ такимъ торжествомъ побѣду, поспѣшатъ скорѣе домой, на родину къ своимъ семействамъ и, что, слѣдовательно, войско Болеслава не будетъ уже такъ превосходно организовано, какъ это было при вступленіи его въ русскія владѣнія. Здѣсь мы можемъ замѣтить, до какой степени иногда авторъ противорѣчитъ самому себѣ; не далѣе какъ въ началѣ этой главы Ярославъ представлялся намъ человѣкомъ, лишеннымъ всякой предприимчивости, недаровитымъ, совершенно неспособнымъ съ честью выполнять свои великія обязанности князя—предводителя; теперь видимъ совершенно противное; разъ совершенно побѣжденный, русскій князь тѣмъ не менѣе не теряетъ надежды, не падаетъ духомъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, судя по предъидущей характеристикѣ Ярослава; напротивъ, онъ выжидаетъ удобной минуты, чтобы еще разъ сразиться съ врагомъ, еще разъ помѣряться съ нимъ своими силами. Очевидно, что авторъ, желая представить въ возможно лучшемъ свѣтѣ своего героя, совершенно не замѣчаетъ того, что параллельно съ возвышеніемъ личности Болеслава, какъ идеала короля, незамѣтно въ свою очередь возрастаетъ значеніе и русскаго князя Ярослава, чего, конечно, автору вовсе не хотѣлось. И такъ, надежды Ярослава исполнились; многіе солдаты Болеслава дѣйствительно порасходились и, когда Ярославъ настигъ Поляковъ у Буга, то польскій король къ великому своему удивленію увидѣлъ „suos milites paucos esse“ въ сравненіи съ многочисленными полчищами непріятеля. Но Болеславъ, какъ это подобаетъ храброму воину, не палъ духомъ. Видя себя въ затруднительномъ положеніи, онъ прибѣгаетъ къ силѣ своего краснорѣчія: говоритъ къ своей малочисленной дружинѣ вдохновенную рѣчь, въ которой прославляетъ храбрость и порицаетъ малодушіе и трусость. Слова его производятъ на солдатъ самое отрадное впечатлѣніе; всѣ они возгораются мужествомъ

и желаніемъ до послѣдняго биться съ врагомъ за свою честь и своего славнаго князя. Между враждебными сторонами происходитъ жаркая битва, которая, какъ и слѣдовало ожидать, оканчивается полнымъ торжествомъ Поляковъ, несмотря на сравнительно большее превосходство силъ непріятеля. Печальнымъ послѣдствіемъ этого сраженія для Русскихъ было слѣдующее обстоятельство: „ex eo tempore Russia Poloniae vestigialis diu fuit;“ этими словами и оканчиваетъ М. Галль свой рассказъ о блестящихъ подвигахъ Поляковъ съ своимъ знаменитымъ вождемъ Болеславомъ во главѣ. Разбирая эту главу, мы имѣли случай на фактахъ убѣдиться въ томъ, какъ пристрастенъ и одностороненъ этотъ лѣтописецъ, до какой степени онъ искажаетъ факты и измѣняетъ самое событіе; но далѣе, при изложеніи свѣдѣній, мы встрѣтимъ еще большую склонность къ этимъ качествамъ, болѣе рѣзкое соединеніе этихъ, весьма непохвальныхъ для лѣтописца, особенностей. Мы видѣли, что рассказъ о вышеизложенномъ событіи является у М. Галла разукрашеннымъ и нѣсколько видоизмѣненнымъ въ пользу Поляковъ, что, конечно, нужно приписать излишней преданности автора всему своему родному и неизмѣнному желанію видѣть Поляковъ при возможно болѣе благопріятныхъ условіяхъ—черта, которая къ несчастію встрѣчается почти у всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ, не исключая, разумѣется, и русскихъ. Но далѣе намъ придется встрѣтиться съ такого рода событіями, къ которымъ ужъ никакъ нельзя примѣнить подобныхъ объясненій; съ вѣроятностью можно предположить, что нѣкоторые рассказы М. Галля черпалъ прямо, безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія, изъ изустныхъ народныхъ преданій; а народъ, какъ извѣстно, никогда не отзывается о себѣ съ дурной стороны; напротивъ, часто въ самыхъ горестныхъ и непривлекательныхъ фазахъ своей исторіи народная фантазія видитъ матеріалъ для выставленія свѣтлыхъ и отрадныхъ проявленій своей силы и могущества. Отсюда видно, какъ мало имѣютъ значенія подобныя легендарныя сказанія. Но М. Галль, какъ кажется, не довольствовался чисто историческими фактами и, для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, нашелъ себѣ обильный источникъ въ области народного творчества. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій, которыя во многихъ случаяхъ носятъ на себѣ легендарный характеръ, обратимся къ нашей лѣтописи и посмотримъ, какъ она передаетъ намъ изложенное выше событіе.

Въ краткомъ, но довольно обстоятельномъ изложеніи этого событія по Ипатскому списку лѣтописи, мы постоянно встрѣчаемъ разногласіе съ разсказомъ М. Галла. Замѣтимъ, что по описанію русской лѣтописи событіе это со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами является болѣе правдоподобнымъ, причины и слѣдствія его болѣе вѣроятными. Вотъ вкратцѣ содержаніе этого событія, которое лѣтопись относитъ къ 1018 году. Болеславъ помогаетъ бѣглому своему зятю Святополку опять занять кіевскій столъ, съ котораго тотъ низложенъ братомъ Ярославомъ. Въ виду этой цѣли, польскій король вмѣстѣ съ Святополкомъ идетъ на Русь; Ярославъ, собравъ войско, встрѣчаетъ непріятеля на Бугѣ; сначала обѣ стороны, какъ видно, не рѣшаются вступить въ бой. Но русскій воевода Будый прервалъ наконецъ колеблющееся положеніе враговъ. Лѣтопись говоритъ, что онъ будто бы началъ насмѣхаться надъ чрезмѣрною тучностью польск. короля, говоря: „да что ты пропоремъ трескою (т. е. копьемъ) чрево твое толстое“. Бранныя слова русск. воеводы разсердили Болеслава и онъ рѣшился напасть на Русскихъ. Войска его перешли Бугъ; произошло сраженіе; Ярославъ разбитъ и спасается бѣгствомъ въ Новгородъ. Послѣ чего Болеславъ занимаетъ Кіевъ и налагаетъ на Русскихъ дань. Но Святополкъ, котораго спасъ польск. король, злоумышляетъ противъ этого послѣдняго: составляется заговоръ противъ Поляковъ; но Болеславъ, узнавъ объ опасности, поспѣшно выступаетъ изъ Кіева съ своимъ войскомъ, при этомъ онъ уводитъ много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были бояре Ярослава и его сестры. Кромѣ того, съ этого времени Червенскіе города, которые принадлежали къ Россіи, отходятъ къ Польшѣ. Вотъ какъ излагаютъ это событіе русская лѣтопись; мы не видимъ здѣсь никакихъ натяжекъ въ изложеніи; даже можно сказать, что лѣтописецъ въ этомъ случаѣ отличается полнымъ безпристрастіемъ, что, между прочимъ, выражается въ томъ, что онъ прямо, не скрывая, говоритъ о бѣгствѣ Ярослава всего только съ четырьмя воинами по занятіи Болеславомъ Червенск. городовъ. Но кромѣ того, есть много весьма рѣзкихъ различій; самая причина похода Болеслава у русск. лѣтописца является болѣе рациональною; онъ идетъ на помощь зятю, при чемъ имъ руководитъ родственное чувство, а можетъ быть также особенная симпатія къ Святополку, который преслѣдовалъ тождественныя съ польск. королемъ цѣли, стремясь подобно ему объединить княжеск. власть въ однѣхъ рукахъ, централизовать ее. Имѣя въ виду этотъ главный, основной принципъ

политики Святополка, намъ ясны будутъ и тѣ намѣренія его, которыми онъ руководствовался, убивая братьевъ своихъ Бориса и Глѣба. Этотъ поводъ къ походу Болеслава болѣе вѣроятенъ и болѣе правдоподобенъ, чѣмъ тѣ причины, которыя выставляетъ М. Галль, приписывая выступленіе Болеслава оскорбленію его самолюбія отказомъ русск. княжны выйти за его замужъ. Но, если мы пойдемъ дальше, т. е. если будемъ сравнивать дальнѣйшій ходъ этого событія, имѣя въ виду русск. лѣтопись и хронику Галла, то опять будемъ встрѣчаться съ рѣзкими различіями, при чемъ, какъ увидимъ, большая доля вѣроятности постоянно будетъ находиться на сторонѣ нашей лѣтописи. И такъ, продолжая, по М. Галлу выходитъ, что Болеславъ одержалъ двѣ побѣды надъ Русскими: первую—какъ только вступилъ на границы Руси, при чемъ въ русск. войскѣ не было самаго князя Ярослава; онъ въ то время былъ въ Кіевѣ и какъ будто вовсе не интересовался этимъ; вторая побѣда была одержана надъ Русскими послѣ взятія Кіева, когда польск. король возвращался на родину; эта вторая битва, какъ повѣствуетъ М. Галль, произошла при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для Болеслава, такъ какъ у него было весьма мало войска; большая часть его воиновъ разбрелась по домамъ послѣ славной побѣды и только самое незначительное ихъ количество осталось съ королемъ; это, повидимому, весьма важное обстоятельство не имѣло особенно пагубнаго вліянія, такъ какъ храбрый вождь сумѣлъ воодушевить эту горстку своихъ воиновъ и одержалъ вторичную славную побѣду надъ многочисленными войсками Русскихъ. Ясно, что здѣсь у М. Галла натяжка; польск. лѣтописцу, конечно, нравились побѣдоносныя дѣйствія Болеслава надъ Русскими и онъ рѣшился сдѣлать изъ одной побѣды—двѣ, обставивъ какъ первую, такъ и вторую различною обстановкою, во всякомъ случаѣ клонящеюся къ торжеству Поляковъ. Но къ несчастію въ этихъ случаяхъ М. Галль оставляетъ фактическую почву и переносится въ область фантазіи. Болѣе просто и болѣе вѣроятно говорить объ этомъ русская лѣтопись; вопреки извѣстію Галла, въ этомъ источникѣ мы находимъ слѣдующее: Ярославъ не сидитъ безпечно въ Кіевѣ и не ожидаетъ пока врагъ подступитъ къ самой столицѣ; напротивъ, онъ собираетъ войско и идетъ къ Бугу на встрѣчу непріятелю. Самое же пораженіе его можно, какъ мнѣ кажется, отчасти объяснить разноплеменностью дружины русской, потому что, какъ говоритъ лѣтопись, „Ярославъ множество совокупилъ Руси, Варягы, Словены“. Кромѣ того неудачу

Ярослава можно объяснить другимъ, довольно вѣроятнымъ обстоятельствомъ: Ярославъ былъ ревностно занятъ обновленіемъ Кіева, такъ какъ столица Руси за годъ до вторженія Болеслава пострадала отъ ужаснаго пожара, истребившаго почти половину города; очень можетъ быть, что эта вѣсть о походѣ Поляковъ застала его врасплохъ и онъ не имѣлъ достаточно времени, чтобы приготовиться къ отраженію непріятеля. О вторичной побѣдѣ Болеслава мы не встрѣчаемъ свѣдѣній ни въ русской лѣтописи, ни въ другихъ источникахъ. Наконецъ выходъ Болеслава изъ Кіева гораздо основательнѣе приписывать, какъ это и дѣлаетъ русская лѣтопись, составлявшемуся заговору противъ Поляковъ, чѣмъ полному насыщенію одержанными побѣдами, какъ это видимъ изъ словъ М. Галла. Мнѣ кажется, что польскій король и его войско продолжали бы далѣе „благоденствовать“ въ русской столицѣ, живя при полномъ довольствіи и при томъ на чужой счетъ, если бы не болѣе основательная причина, чѣмъ та, которую приводитъ М. Галль, заставила ихъ удалиться изъ русской столицы. Причиною этому были тайныя дѣйствія Святополка противъ Поляковъ, о чемъ и говоритъ русская лѣтопись, и нужно замѣтить, что эта причина имѣла большую долю вѣроятности, такъ какъ очень можетъ быть, что Святополку непріятно было продолжительное пребываніе въ Кіевѣ Болеслава, да при томъ еще и съ войскомъ; онъ серьезно могъ подозрѣвать тестя въ желаніи захватить власть въ свои руки. Все это весьма естественно, между тѣмъ объ этомъ мы не встрѣчаемъ у Мартина Галла, что называется, ни словечка. Кончимъ наше сравненіе указаніемъ на несостоятельность послѣднихъ словъ М. Галла объ этомъ событіи; разобранную нами седьмую главу своей хроники авторъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „ex eo enim tempore Rusia Poloniae vectigalis diu fuit“. Опять таки въ русской лѣтописи ничего подобнаго не находимъ; взаимно этого лѣтопись сообщаетъ, что Болеславъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Червенскіе города; на сторонѣ этого извѣстія придется признать большую долю вѣроятности. Конечно, легче было Болеславу отторгнуть, пользуясь слабостью Ярослава, Червенскіе города, чѣмъ собирать дань съ Россіи, да при томъ еще и долгое время, какъ замѣчаетъ М. Галль. Вматриваясь въ извѣстія хроники М. Галла, мы могли замѣтить, какъ иногда они бываютъ неосновательны и часто совершенно сбивчивы; мало того, авторъ часто, какъ мы видѣли, даетъ полный просторъ вымыслу, выпуская совершенно изъ виду исторически—дѣйствительную

почву—почву чистыхъ фактовъ. Мнѣ кажется, что разобранная глава есть одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ хроники, которое болѣе или менѣе можетъ привлекать вниманіе историка; здѣсь, хотя, впрочемъ, и въ весьма малой степени, мы стоимъ на сравнительно-фактической почвѣ; по крайней мѣрѣ главный фактъ вѣренъ и не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ, что можно сказать о вышеизложенномъ событіи, которому, по его относительной достовѣрности, слѣдуетъ отвести первое мѣсто на ряду извѣстій М. Галла о Руси.

Далѣе слѣдуетъ X глава; предметъ разсказа—сраженіе Болеслава съ Русскими, которое впрочемъ съ первыхъ строкъ представляется довольно страннымъ, такъ какъ оба врага вступаютъ въ предѣлы непріятельской страны, не имѣя никакихъ свѣдѣній другъ о другѣ; въ послѣдствіи Ярославу даютъ знать, что Болеславъ уже перешелъ Бугъ; русскій князь располагается лагеремъ противъ войска Болеслава; между войсками происходятъ крупныя ругательства; Болеславъ грозитъ русскому князю прибѣгнуть къ оружію и разорить его страну. Наступленіе большого празднества удерживаетъ Болеслава отъ начатія войны; въ лагерь идуть дѣятельныя приготовленія къ наступающему великому празднику: убивается много быковъ и приготовляются жертвы, между тѣмъ Русскіе, пользуясь удобнымъ временемъ, всячески стараются наносить врагамъ различнаго рода непріятности, сначала словесно, а потомъ и болѣе убѣдительно, т. е. пусканіемъ въ нихъ стрѣлъ. Поляки, повидимому, не желаютъ на канунъ наступающаго празднества затѣвать сраженіе и ограничиваются только бросаніемъ въ своихъ наглыхъ противниковъ внутренностей убитыхъ животныхъ. Но наглость и дерзость Русскихъ все болѣе и болѣе увеличивается; они начинаютъ сраженіе. Это случилось около полудня, воины польскіе спали; тогда Boleslaus parasitorum exercitus (кто были эти „parasiti“, положительно неизвѣстно) вооружается оружіемъ спящихъ и одерживаетъ верхъ надъ многочисленными врагами; на поднявшійся шумъ просыпается и спящее воинство Болеслава и принимаетъ дѣятельное участіе въ начатой стычкѣ; дѣло оканчивается совершеннымъ пораженіемъ Русскихъ. Въ заключеніе лѣтописецъ прославляетъ военные подвиги Болеслава и оканчиваетъ главу, высказывая желаніе найти между слушателями достойныхъ подражателей этого славнаго князя. Этотъ разсказъ можно, нисколько не колеблясь, отнести къ легендарнымъ народнымъ преданіямъ. Частыя столкновенія Руси съ Польшею не могли не отра-

заться и въ народной памяти, которая представляла ихъ себѣ въ подобномъ видѣ; понятно, что Русскіе при этомъ должны были предстать предъ нами въ самомъ непривлекательномъ видѣ, но авторъ, по видимому, не обращаетъ на это вниманія и довольный тѣмъ, что находить здѣсь подтвержденіе своимъ пессимистическимъ взглядамъ на Русскихъ, безъ всякаго колебанія ставитъ подобныя народныя легенды на ряду съ историческими фактами, придавая имъ значеніе послѣднихъ. Далѣе мы будемъ имѣть случай указать на подобный легендарный рассказъ но, слѣдуя порядку изложенія событій въ хроникѣ, займемся эпизодомъ о взятіи Кіева Болеславомъ II. Несомнѣнно, что этотъ король принималъ нѣкоторое участіе въ судьбахъ Русской земли; дѣйствительно, онъ помогъ Изяславу занять вторично велико-княжескій Кіевскій столъ, но при этомъ не произошло ни взятія Кіева, ни разсѣченія золотыхъ воротъ, ни подобныхъ имъ обстоятельствъ; а между тѣмъ таковымъ является предъ нами повѣствованіе Мартина Галла; очевидно, что такое знаменательное событіе, какимъ было взятіе Кіева Болеславомъ I, оставило глубокое впечатлѣніе въ авторѣ и вотъ онъ опять въ этомъ рассказѣ старается воспроизвести его, приурочивая рассказъ къ личности совершенно другого короля, въ этомъ, разумѣется, проглядываютъ завѣтныя цѣли лѣтописца, о сущности которыхъ намъ приходилось уже не разъ говорить.

Обратимся наконецъ къ послѣднему рассказу Мартина Галла о Руси; къ сожалѣнію онъ опять таки носитъ на себѣ въ значительной степени сказочный характеръ; здѣсь мы встрѣчаемся съ многими легендарными чертами народнаго творчества; рассказъ посвященъ описанію свиданія русскаго князя съ польскимъ королемъ, но излагается не столько описаніе самаго свиданія, сколько представляется читателямъ огромная разница, которая отдѣляла личность польскаго короля и русскаго князя; до какой степени первый былъ великъ, знатенъ и вмѣстѣ умѣлъ сохранить подобающее ему положеніе въ сравненіи съ жалкимъ ничтожествомъ послѣдняго. Вотъ, по моему мнѣнію, та цѣль, которую авторъ имѣлъ въ виду при помѣщеніи этого рассказа въ своей хроникѣ. Дѣло происходитъ такъ: тотъ самый князь, котораго Болеславъ посадилъ въ Кіевѣ (т. е. Изяславъ) обращается съ покорнѣйшею просьбою къ польскому королю; просьба эта, по словамъ хроники, состоитъ въ томъ, чтобы польскій король вышелъ на встрѣчу ему (т. е. русскому князю) и далъ бы ему „osculum pacis ob reve-

rentiam suae gentis“. Польскій король великодушно соглашается, только подъ условіемъ, такъ, что это великое душевное удовольствіе не обходится даромъ русскому князю; онъ принужденъ уплатить польскому королю за это одолженіе такую сумму денегъ, какую тотъ пожелаетъ. Количество денегъ опредѣлилось слѣдующимъ образомъ: сосчитали число шаговъ, которое сдѣлала лошадь Болеслава отъ мѣста его стоянки до того пункта, гдѣ произошла встрѣча и, по числу шаговъ лошади, русскій князь уплатилъ столько же золотыхъ марокъ; на самомъ мѣстѣ встрѣчи польскій король исполнилъ свое обѣщаніе—поцѣловалъ русскаго князя—*„osculum ei satis pretiosum exhibuit“*, при чемъ однакоже замѣтна та униженность положенія, которая характеризуетъ заискивающія дѣйствія этого князя параллельно съ гордою заносчивостью польскаго короля-владыки. Лѣтописецъ, повидимому, съ удовольствіемъ прибавляетъ, что польскій король ~~и~~ знакъ своего высокаго достоинства даже не потрудился сойти съ лошади; онъ съ презрительною улыбкою потянулъ сначала русскаго князя за бороду, а потомъ уже поцѣловалъ его; этотъ поцѣлуй, по замѣчанію хроники, былъ весьма дорогъ (*satis pretiosus* для русскаго князя, который теперь считалъ себя вполне счастливымъ. Какъ же считать подобныя событія дѣйствительными, какъ можно придавать имъ характеръ исторической истинны? Остается прійти къ не разъ уже высказанному нами мнѣнію относительно полной несостоятельности хроники по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она отзывается о Руси.

На ряду вышеизложенныхъ извѣстій не лишнимъ будетъ упомянуть еще объ одномъ рассказѣ хроники, гдѣ говорится о Половцахъ; извѣстіе это, какъ и всѣ вообще извѣстія хроники, отличается односторонностью; оно заключается въ слѣдующемъ: Половцы нападаютъ на границы Польши; они даже переплываютъ Вислу, пользуясь починимъ временемъ, но Болеславъ съ своею немногочисленною дружиною разбиваетъ ихъ и побѣдоносно обращаетъ въ бѣгство; этому не мало способствуетъ и то обстоятельство что побѣда случилась въ день воскресный. Но это извѣстіе обращаетъ на себя вниманіе не столько по своему содержанію, сколько потому, что это есть первое упоминаніе о Половцахъ, которое мы встрѣчаемъ въ польскихъ лѣтописяхъ.

4 марта 1878 г.

А. Врублевскій.

Отискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1878 г.

Печатаю по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Въ университетской типографіи.